

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ПРЕВРАТИЛИСЬ В БЕЛЫХ ЖУРАВЛЕЙ...

Эта фотография — ровесница Великой Победы. Сделана она именно 9 мая 1945-го, о чём свидетельствует полустёршаяся надпись на обороте, заезжим фотографом. На ней — две подружки-однофамилицы: Шурочка (справа) и Маня Шеховцовы. Лучшая кофточка, единственное сохранённое украшение — подаренные мамой серёжки, тщательно уложенная чёлка и сияющие глаза... Им так хотелось быть такими же красивыми и нарядными, как этот майский день победной весны, напоенный ароматом сирени, орошенный слезами радости...

Тогда им было по четырнадцать... Сегодня одной из них, моей маме Александре Григорьевне Белых, больше ровно на ту юбилейную цифру, которую мы произносим с гордостью и уважением: на 70 лет. Но даже всеильным пескам времени не совладать с памятью: горькой — от потерь и лишений и светлой — от самых ярких и счастливых событий. Что-то, может быть, и кануло в забвение, а другое — оживает с каждым словом.

ИЮНЬ 1941-го

— Мне было 10 лет. Я перешла в третий класс. Меня ждало очень важное событие в моей детской жизни: поездка к Чёрному морю — за отличную учёбу меня и мою одноклассницу Аню Шеховцову наградили путёвками в лагерь «Артек». Нас дружно готовили к отъезду, мамы шили платья. А мы торопили каждый день, остававшийся до 25 июня. Но об «Артеке» пришлось забыть. 22 июня родители как обычно ушли на работу. В то время были карликовые колхозы — в каждой деревеньке. В нашем посёлке Кавказском было полсотни дворов, они и ещё два десятка в деревне Бахтинка входили в колхоз «Путь Ленина». Ни радио, ни телефонов, конечно, не было. О том, что началась война, мы узнали лишь после полудня, когда пришла мама и сказала, что на нас напали немцы. Мужчин сразу стали забирать на фронт. Отцу, Григорию Гавриловичу, повестка пришла на 26 июля. А ровно через месяц мы получили от него одно-единственное письмо, из которого запомнились слова: «Мы идём маршем. До Смоленска осталось 75 километров. Будем бить фашистских гадов». Больше вестей не было. И никто из односельчан, кого забрали на фронт в одно время с отцом, домой с войны не вернулся. Уже в 43-м, после того как освободили Орёл и Белгород, пришло извещение, что он пропал без вести.

ТАК ЖИЛИ

— Урожай в 41-м выдался небывалый. И он чуть не остался в поле: скошенный, связанный в снопы. Убирать было некому. По осени несвежий хлеб раздали по колхозникам. И уже дома в течение зимы мы его молотили вручную, цепами. Большую часть, конечно же, забирали — для фронта. Колхозных коров утнали на восток. Остались лошади, которых тоже распределили по домам. Наш посёлок лежал в стороне от железной дороги и никто из проходящих — ни наши, ни немцы — надолго не задерживались, если только на ночь. Но часто навещали продукты. Первая военная зима началась рано. Морозы стояли лютые. Немецкие солдаты, шедшие в сторону Орла, первым делом забирали одежду, не гнушались женскими платками, кофтами. Нашим матерям приходилось всё прятать. Учёбу мы не забросили, хотя все школы были сожжены нашими при отступлении: и десятилетка на центральной усадьбе, и начальная на Черепове. Нас было человек пятнадцать и занимались мы в блиндаже, построенном нашими солдатами из дубов, что росли в ближайшем лесу — Курдомке. Из снарядных гильз делали колушки — горел бензин, смешанный с солью. Тетрадок не было, писали в амбарных книгах, между строчек газет, чернила делали из сажи и сока красной свеклы. Настоящими были только перья, розданные нам Марией Ивановной, нашей учительницей, которые мы нитками привязывали к палочкам. Позже блиндаж разобрали на нужды и мы

собирались на уроки по домам, в самых больших. Я очень любила учиться. Наверное, это от отца. Несмотря на то, что образование у него всего 4 класса, он был очень грамотным. Хорошо рисовал — этот талант передался младшей сестре Тоне. Любил читать. И меня приучил к чтению ещё до школы. Помню первые книги, им подаренные: «Приключения доисторического мальчика» и «Приключения Травки». А ещё он был очень трудолюбивым. После того,

как в гражданскую белогвардейцы зарубили его отца и старшего брата, ему пришлось идти в батрак, чтобы помочь матери, оставшейся с 4 детьми. Отец знал толк в посевных площадях, севообороте и в колхозе считался за агронома.

ВСЁ ДЛЯ ФРОНТА

— Мы, подростки, помогали как могли. Обезжигали свои десятидворки (участок из 10 домов) и собирали золу, которую потом добавляли в каждую лунку при посадке картошки — нашим матерям давался участок, который нужно было вспахать (а кроме как на своей корове, сохой, не на чем) и посадить. После уроков ходили драть лыко с волчьей ягоды, говорили, что оно шло на изготовление резины. Вручную приходилось полоть. Сорняки сносили на межу, а потом переносили домой, чтобы высушить и кормить скотину. А хозяйство держали все. Иначе как можно было сдать обязательные 180 литров молока, 40 килограммов мяса, 120 штук яиц. Если что-то и выпадалось, то шло на продажу: собирались деньги на танковую колонну, на эскадрилью... Налогом облагались даже яблони. Многие повыврубали сады. Но мать сберегла наш сад, посаженный отцом — как память о нём. Всем нам, кому исполнилось по 12 лет, сделали в колхозе расчётные книжки, куда записывали трудодни. Задание получали исправно: с рассветом в окно стучал колхозный бригадир дядя Егор. И мы старались. Ведь на трудодни давали отходы — не больше 150 граммов, которые добавляли в картошку и пекли хлеб. Перед посевной наши матери ходили за зерном в Красную Зарю. А мы с пустыми мешками встречали их в Лесках, чтобы отсыпать часть зерна из набитых мешков. С начала уборки подкапывали рожь... Тому, кто на ней работал (сушил, молотил), давали пайки... Какой же это был вкусный хлеб! Пекли его, кстати, по домам, но утаить хотя бы крошечку было невозможно — всё рассчитывалось строго по весу. В страду работа шла круглые сутки. Днём женщины молотили, а мы оставались на ночь вейте, чтобы утром обоз уже мог уйти в Красную Зарю. Нам тогда давали выходной и большую часть мы просто спали — прямо здесь, на соломе. После окончания уборки опять возвращались на поля — собирать колоски.

ПРО КОМАНДУЮЩЕГО И ДРУГОЕ

— Это было в первый год войны. Однажды утром мы увидели, что между двух росших недалеко от нашего дома рябин застрял огромный воздушный шар. Сбежалась вся деревня. Кто-то из ребят отважился и срезал его. Посыпались цветные фотографии, сушившие все блага жизни нашим солдатам, сдавшимся в немецкий плен. Эти цветные картинки нам, конечно, были ни к чему, а вот шар — огромный, двухслойный, из плотной шёлковой материи, пригодился: его разделили на всех и нам с Тоней мать сшила нарядные платья. Хотя могло стать и так, что носить их нам не довелось бы. Пока мы рассматривали шар, в небе появился самолёт. Мы даже не разобрали, чей он был — наши, немецкий ли... Только и увидели что отделившиеся от него две чёрные точки... Никому и в голову не пришло, что это были бомбы... Кто-то из ребят с криком «Листовки!» рванул к тому месту, совсем рядышком, на пустыре, где они могли упасть. Хорошо, что не добежали... Мы после долго собирали здесь осколки от авиабомб, острыми краями моментально впивавшиеся в кожу... Их

потом увезли на переплавку. Если в 42-м ещё так-сяк перебились, то в начале 43-го стало очень голодно. Запасов никаких, крапива ещё не выросла, лебеда — тоже... С ранней весны отправлялись мы на поля — на поиски мёрзлой картошки. Размыв её в руках и чуть подсолнив, делали небольшие лепёшечки — чибрики. Мальчишки где-то раздобыли лист железа, на котором и пекли их. В один из таких походов возле нашей компании остановилась шедшая со стороны Измалково легковушка. Из неё вышел представительный, наголо бритый военный, по всей видимости, важный чин. Поздоровался, спросил: «Чем занимаетесь, ребята?» Узнав, что печём чибрики, попросил устотить. Пробовать, правда, не стал, а достал из планшета лист бумаги и завернул их в него. Спросил: «А больше у вас есть нечего?». Какое там... Мёрзлой картошке были ой, как рады. Мы же, в свою очередь, полубокобывствовали, кто он такой. На что получили ответ: «Командующий фронтом Тимошенко». Через неделю-две всех женщин собрали в конторе и сказали, что пришла помощь. Сразу же выдали по пуду муки на человека. Остальную часть этой помощи мы получали в Красной Заре — несколько месяцев нам давали по пол-литра рыбьего жира, по килограмму сахара и столько же селёдки. Иногда вместо сахара давали шоколадные конфеты, которые мать относил на базар в Измалково — их можно было продать или обменять на мыло, спички, соль. Помню, однажды не удержалась и по дороге съела одну конфетку. В чём чистосердечно и призналась матери. Взбучку тогда получила изрядную. Базар в Измалково, куда приходили пешком, был не единственным. Отсюда на поезде в воскресный день мы ездили в Елец — продавать вишню, яблоки, груши. Председатель, которого все звали просто Антоныч, нам сочувствовал и всегда отпускал. Но не всех. Только нас, подростков, а матери оставались отрабатывать.

Фронту мы старались помочь не только хлебом. Когда заканчивались полевые работы, с приходом зимы, все дружно занимались рукоделием. Собирались у кого-нибудь дома, а чаще всего у нас, потому что дом был большой. Женщины вязали варежки, носки, а мы, девочки, обшивали платочки и старательно писали маленькие, вкладываемые в посылки, записочки: «Лучшему танкисту», «Лучшему артиллеристу»... И, конечно же, надеялись, что получат их кто-нибудь из наших односельчан. За Успенкой была небольшая лошадка — Дубровка. Там одно время размещался полевой госпиталь. Вместе с учительницей мы навещали раненых. Собирали для них щавель и крапиву, устраивали концерты.

В начале войны наши отступали. Всюду шли карательные отряды, задача которых состояла в том, чтобы никакие важные объекты не достались врагу. Так, на центральной усадьбе были сожжены школа, сельсовет, магазин... В нашем посёлке уцелели только конюшня — потому что каменная была да мельница — по воле случая. А случай был такой. Отряд шёл спешно. У мельницы, с приказом взорвать её, был оставлен молоденький солдат. Пришедшие сюда же молотить зерно женщины со слезами просили его не делать этого. Но приказ есть приказ. Как так получилось — никто не знает. Но граната взорвалась в руках у парня, а мельница осталась ещё на десятилетия.

ПОБЕДА

— Училился тогда до середины мая. И 9 мая 1945-го был одним из последних учебных дней. Я заканчивала 6 класс. Как обычно пришли в школу, которая на тот момент располагалась в сохранившейся до сих пор церкви. Атам — слёзы, радость. Мы бегом домой. Но счастливая лощина — Дубровка. А отцы наши так и не вернулись. В этот год вообще в нашу деревню с фронта не пришёл ни один солдат. В Успенке, на плите братской могилы, есть имя и фамилия отца. Но он, скорее всего, погиб на Смоленщине, под Ельней, где в августе — сентябре 41-го было одно из крупнейших сражений начала Великой Отечественной войны. Часто, по осени, откуда-то из поднебесья доносится крик журавлей... Нет, птиц я не вижу — зрение, к сожалению, подводит... Но слыша их, я всегда вспоминаю отца. Это ведь о нём, как и о миллионах погибших воинах, строчки Расула Гамзатова:

Мне кажется порою, что солдаты,
Скровавших не пришедшие поля,
Не в землю эту легли когда-то,
А превратились в белых журавлей...

Оксана БЕЛЫХ

Фото из семейного архива семьи Белых

ПОБЕДЕ — 70!

Мне повезло: родилась в мирное время. Но рядом со мной были те люди, которые прошли через грозные сороковые, через войну.

ПОМНЮ И ГОРЖУСЬ

Это мой папа Капшинский Иван Гаврилович, Капшинский Павел Захарович. У них не только одинаковые фамилии, между ними — духовная связь, как основа крепкой дружбы. Часто, особенно в зимние вечера, дядя Паша, так я раньше по-детски называла Павла Захаровича, приходил к нам на огонёк. С папой они вели разговоры о войне. Мне было очень интересно слушать их живые рассказы. Я подсаживалась рядышком, ловя каждое их слово. Конечно, в свои 13 лет я не думала о том, что надо бы не просто слушать, а записывать... И сегодня я хочу поделиться тем, что осталось в моей памяти.

Моя малая родина — небольшая деревенька со звонким названием Воронцовка, раскинувшаяся среди полей и лесов. До войны в ней насчитывалось 10 крестьянских усадеб. И в каждый двор заглянула война: 10 солдат не вернулись с полей сражений. Об одной из семей и моё повествование. До войны Капшинские Ольга Фоминична и её муж Захар (в памяти, к сожалению, не сохранилось отчество этого замечательного человека), как и большинство, трудились, растили детей. По тем временам это была обычная крестьянская семья: две дочери и шестеро сыновей. «Ну, Фоминична, что у тебя за парни: все росли красивые!» — завидовали ей соседки. Не могла нарадоваться на сыновей и их мать: вдобавок ко всем примечательным внешним качествам были они добрыми, отзывчивыми и работящими. Надёжные помощники выросли. Вот уже и старший, Пётр, пригласил себе невесту — местную красавицу Аннушку, о помолвке поговаривали. Да и младшие, лишь малость отличавшиеся годами, не отставали в женихах ходили. Но не суждено было сбыться мирным юношеским мечтам. Война облачила в солдатские шинели пятерых братьев Капшинских. Одно из других провожала на фронт своих кровиночек Ольга Фоминична. И чувствовала материнское сердце, что не придёт уже свидеться ей с Петром, Дмитрием, Николаем. А сыновья утешали мать надеждой, что они обязательно вернутся. Но не вернулись, затерялись где-то на полях сражений под Москвой. Эти серые трутеньники, подписанные незнакомой рукой, Ольга Фоминична встречала горькими слезами. И сердце как будто приостанавливалось, когда читала сухие и страшные слова: «Без вести пропавший». Когда пришла очередная похоронка на четвёртого сына Владимира, слёз уже не было. Лишь всё глубже становилась на сердце незаживающая рана. Теперь мать ждала весточки от пятого сына — Павла. Наверное, Бог всё-таки услышал её молитвы и Павел, хоть и раненый, но победу встретил — в Берлине. Награждён орденом Отечественной войны II степени. Не обошла стороной война и самого младшего — Алексея (на фото). Ещё подростком, его отправили в ФЗО, в Мордовскую АССР. А он, не по годам рослый, как и другие его сверстники, рвался на фронт. В военкомате капитан, вчитываясь в биографические данные, оглядел крепко сложенного парня: «Ну, что ж, воевать так воевать». Так и начался фронт — путь Алексея Захаровича, на 1-м Украинском, затем на 2-м Украинском фронтах в звании рядового, стрелком. Дошёл до стен Берлина. Награждён орденом Красной Звезды, орденом Славы III степени, орденом Отечественной войны II степени. Павел и Алексей вернулись домой, чтобы строить мирную жизнь, воспитывать детей, поднимать разрушенное войной хозяйство. Родителям горько было осознавать смерть четверых сыновей. Их сердца не выдержали тяжести утрат.

Вера КАПШИНСКАЯ, с.Орево.